Камское побоище (Илья Муромец и Калин-царь)

Подымалса вор-собака да злодей Калин-чарь
Да на наш на хорош да стольне Киёв-гра[д],
Он по три года, собака, да по три месеця.
Не доехал он до города до Киёва
Да не много, тут не мало — да ровно за семь вёрст,
Да по-ихному, по-тотарьски, — да за семь попрысков,
За семь попрысков было да лошадиных же.
Становиласе собака край болотники,
Край болотники собака, да край щорлопинки.
Да садилсэ собака да на ременьчатой стул,
Да писал он ерлык да скоропищатой
Не на ербовой лист, не на гумажечку —
Он печатал тут на тоненько полотёнышко.
Говорыл-де собака да таково слово:
«Уж ты ой еси, Борис, да королевиц сын!
Ты бери-ко ерлык да скорописцятой,
Да садись-ко, Борис, дак на добра коня,
Поежджай-ко, Борис, да стольне Киев-град;
Поежджай-ко, Борис, дак не дорогою,
Не дорогою, Борис, дак не воротами —
Да скачи ты, Борис, да на добром кони
Церез ту где стену да городовую,
Церез круглу-ту башонку наугольнюю.
Ты приедёшь, Борис, да стольне Киев-град,
Ты приедёшь ко Владимеру да на посольней двор,
Ко тому ко Владимеру ко красну крыльцю —
Не вяжи ты коня за золото кольцо:
Золото где кольцо да то — владимерьско;
Не вяжи ты коня к кольцю серебрянну:
Да серебряно кольцо тут — князей-бояров,
Не вяжи ты коня кольцо за медноё:
Медно кольцо — руських богатырей.
Не привязывай коня, дак не прыказывай —

Да спущай ты коня где на Божью волю!
Сам же поди дак на красно крыльцо:
Сам не спрашивай у ворот дак прыворотничков,
У дверей-де ты нонь прыдверницков.
Да зайдёшь ко Владимеру во светлу грыню —
Не крести ты свою рожу тотарьскую,
Да не бей ты целом да во весь владимерской дом:
Да выбрасывай ерлык да на дубовой стол,
Понижешенько сам да поклоняйсе же,
Воротись ты назад — дак и сам вон поди!»
Тому слову Борис да не ослышилсэ.
Брал-де ерлык да скоропищатой,
Да садилсэ Борис дак на добра коня,
Да поехал Борис да в стольне Киёв-град.
Ехал Борис дак не дорогою,
Не дорогою Борис да не воротами —
А скакал он, Борис, дак на добром кони
Церез ту где стену да городовую,
Церез круглу-ту башонку наугольнюю.
Приежджаёт да в стольне Киев-град,
Приежджаёт тут Борис дак на посольней двор —
Не вязал он коня за золото кольцё,
Не привязывал коня кольцо серебряно,
Не вязал он коня колечко медноё.
А соскакивал Борис дак он с добра коня —
Не привязывал коня, дак не приказывал.
Да соскакивал Борис дак он с добра коня,
Да пошол где Борис дак на красно крыльцо.
Да заходит Борис да на красно крыльцо —
Да не спрашивал у ворот он прыворотничков,
У дверей где Борис да тут придверьничков.
А заходит Борис дак во светлу грыню —
Не крестил он свою рожу тотарьскую,
Да не бил он челом во весь владимерской дом:
Да выбрасывал ерлык да на дубовой стол,
Понижешенько он да поклоняицсэ,
Оворачивалсэ назад — да сам и вон пошол.
Да ходил-де Владимёр по светлой грыни,
Говорыл-де Владимёр таково слово:

«Уж ты ой еси, Добрынюш[к]а Микитиц свет!
Да ставай-ко ты, Добрыня, да с кроваточки,
С той же кроваточки тисовое,
С той же перины ты с пуховое,
А садись ты, Добрыня, за дубовой стол —
Роспечатывай печети да все тотарьския
Да читай ерлык ты да скоропищатой,
Що в ерлыки было написано,
Що в ерлыки дак напецятоно!»
Тому слову Добрыня не ослышалсэ.
Да ставал же Добрынюшка с кроваточки,
С той же перины да он пуховое,
Да садилсэ Добрыня за дубовой стол —
Роспечатывал печети все тотарьския,
Да читал он ерлык да скоропищатой.
Да написано в ерлыки, дак напечатано:
«Подымалса вор-собака, да злодей Калин-чарь,
Он по три года, собака, по три месеча
Да на тот на хорош да стольнё Киев-град.
Не доехал он до города до Киёва,
Не доехал он до города ровно за семь вёр[с]т —
Становиласе собака да край болотники,
Край болотинки собака, край шорлопинки,
Да на те где на шоломя на ровныя.
Да по праву он руку поставил силы сорок тысечей,
Да по леву-ту руку сорок тысечей,
Да позади, попереди — цисла-смету нет.
Просит из города поединьщика:
«Если нету в городи поединьщика —
Божьи-ти церкви да я во дым спущу,
Да почесны манастыри я розорю,
Силу крещону да всю привырублю,
Да Владимера-князя дак я под меч склоню,
Да кнегину Опраксею дак за себя возьму!»
Тут-то Владимёр закручинилса,
Стольнё-киевской наш тут-то да запечалилса,
Повеся́ буйну голову со могучих плеч,
Потопя очи ясны да в мать сыру землю,
Подсибя руки белы к ретиву серьцю.

Да пошол он к обедьни да воскрисеньское.
Заходил-де Владимер на крепку стену,
Посмотрел он во трубочку подзорную
Да во далечо-далечо во чисто полё.
Да завидял тут Владимер во чистом поли:
Да не темна где туча поднимаиццэ —
Стар где казак да Илейка Муромець
И[з] чиста поля да вынимаиццэ.
Да сходил бы Владимёр-от да с крепкой стены.
Да не бел-от где кречат перепархивал —
Да стар-от где казак на добром коне перескакивал.
Он приехал ко Владимеру стольне-киевскому:
«Уж ты здрастуй, Владимер стольне-киевской!» —
«Здрастуй, Илеюшка ты Муромеч!»
Да спроговорит Илейка да Илья Муромец:
«Уж ты що же ты, Владимер, запечалилсэ,
Повеся́ буйну голову со могущих плеч,
Потопя очи ясны да в мать сыру землю,
Подсебя руки белы к ретиву серьцю?»
Да спроговорит Владимер стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Илейка, да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын да был Иванович!
Как тут мне нынь да не кручиницсэ,
Не кручиницсэ мне, дак не печалицсэ?
Да приехал ко городу ко Киеву
Да приехал вор-собака да злодей Калин-цярь!
Становиласе собака край болотинки,
Край болотинки собака, край щорлопинки.
Да по праву-ту руку поставил сорок тысечей,
Да по леву-ту руку да сорок тысечей,
Да позади, попе́реди — цисла-смету нет!»
Говорил где Илеюшка таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимёр стольне-киевской!
А не мог я тут силу да приобъехати,
Да не мог я всю тут силу пере́сцитать;
Не могу на силу да лиха думати,
Лиха думати на силу, зла помыслити!»
Оворачивал своёго да коня доброго,
Да поехал Илеюшка во цисто полё.

Приежджаёт Илеюшка ко той силы тотарьское;
Не доехал он до их — дак низко кланялсэ.
Приежджаёт-то он к собаки да тут Калину-чарю,
Да просил у его строку на три года —
Не давал-де собака он строку на три года.
Да просил тут он строку да на три месеця —
Не давал он тут строку на три месеця,
Да давал только строку на трои суточки!
Да садилсэ Илеюшка на добра коня,
Да поехал Илейка стольнё Киев-град.
Приежджаёт Илейка стольнё Киев-град,
Приежджаёт ко Владимеру ко красну крыльцу.
Он привязывал своёго да коня доброго,
Да пошол бы Илейка на красно крыльцо.
Да заходил Илеюшка на красно крыльцо,
Заходил-де Илейка на новы сени,
Зашол бы Илейка во светлу грыню —
Крест бы клал да по-писаному
Да поклоны-ти вёл да по-уцоному:
«Здрастуй, Владимёр да стольне-киевской!» —
«Приходи-ко, Илеюшка ты Муромец!»
Стал бы Илеюшка росказывать:
«Ездил я, Владимер, во цисто полё.
Доежджал я до той силы тотарьское,
До того до собаки тут до Калина-царя,
Да просил у ёго строку на три года —
Не давал тут мне он строку на три года;
А просил я тут строку на три месеця —
Не давал он мне строку на три месеця,
Тольки дал он тут строку на трои суточки!»
Говорил-де Илейка таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц-свет!
Поскорэшенько, Добрыня, снарежайсе ты,
Снарежайсе, Добрынюшка, сподобляйсе ты;
Поежджай-ко, Добрыня, во чисто полё,
Собирай-ко друзей-братьей-товарыщов!
Если ты тут, Добрыня, не застанёшь да на чистом поли —
Поежджай-ко, Добрыня, ко Бару́-граду,
От Бара где града — да ко Царю-граду,

Собирай ты их скоро да их ли наскоро,
Собирай-созывай — дак им росказывай:
Щобы съежджалисе к моёму да тут к белу шатру!»
Тому слову Добрыня не ослышилсэ.
Поскорэшенько он да снарежалсэ ведь;
Выходил-де Добрыня на конюшин двор,
Брал он своёго да коня доброго,
Да седлал, ды уздал да коня доброго.
А застегивал двенаццать да подпруг шолковых
(Да шпёночки были да все булатныя!),
Да тринаццату те[я]нул да церез степну кость конну,
‹Церез степну кость конну› сбруню да богатырьскую
Да не ради басы — дак ради крепости.
А поехал Добрыня во цисто полё,
Да во то где роздольё во широкоё.
Выехал Добрынюшка во чисто полё,
Да на то же роздольё на широкоё —
Не нашол он своих друзьей-товарыщов.
Да поехал Добрынюшко[а] ко Чару́-граду,
От Чара где града — да ко Бару-граду.
Он зыскал тут всё друзьей-братьей-таварыщов,
Он не много, не мало — да он тут семьдесят богатырей.
Говорил-де старой да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимер стольне-киевьской!
Уж дай мне сорок сороковочок зелена вина,
Да и ище тут сорок сороковок да пива пьяного,
Да третья́-та тут — сорок да мёду сладкого!»
Говорил-де Владимёр таково слово:
«Уж ты ой еси, Илеюш[к]а ле Муромец!
Тебе подгрёбы нунь были не замкнуты,
Золота где казна не запечатана!»
Отвязывал от пояса золоты ключи,
Отдавал он Илейки да во белы руки.
Да пошол бы Илеюшка из грыни вон —
Отмыкал тут Илейка да золоты замки
От тех подгрёбов да от глубоких же.
Стал он носить да зелено вино:
Да одну сороковку да на плечо бросал,
А другу сороковочку — в подпазуху,

Да третью сороковку да он пинком пинал —
Выкатал он сорок сороковок да зелёна вина,
Выкатал он сорок сороковок да пива пьяног[о],
Да третья-та ле сорок — да мёду сладкого
Ко своёму тут Илеюшка к белу шатру.
Все тут робята соежджалисе,
Соежджались они, дак собиралисе,
Пили они дак зелено вино,
Пили же они дак пиво пьяноё,
Сладк-от-де мёдом закусывали.
Тут-то робята все призаспали —
А старому казаку ему не спицсэ же.
Едёт собака да по чисту полю,
Скричал-де собака громким голосом:
«Уж ты ой еси, Илейка, да Илья Муромец,
Тебе полно тут спать — ноне пора ставать!
Выежджай-ко, Илеюшка, на цисто полё,
Да давай-ко, Илейка, да супротивника,
Супротивника тут мне да постановника!
Цья будёт на поли Божья́ помошшь?»
Заходил бы Илеюшка во бел шатёр,
Да скрычал бы Илейка громким голосом:
«Уж вы ой еси, дружья-братья-таварыщи!
Вам полно туг спать — ноне пора ставать:
Надо тут, робята, снарежатисе,
Ехати тепере воёватисе!»
Тому слову молочники не ослышились,
Скакали они дак на резвы ноги.
Выходили тут все они на улицу,
Брали своих коней добрых же,
Да седлали-уздали коней добрых же —
Все садились они дак на добрых коней.
Говорил-де Илейка таково слово:
«Уж вы ой еси, дружья-братья-таварыщи!
Кому же нам остацься да караульщиком?»
Говорил бы Илеюшка во второй раз:
«Нам оставить нать Добрынюшку Микитича!
Он ездил, Добрынюшка, по чисту полю,
Собирал он всю бра́тею названую:

Ёго добр-от тут конь да приуска́калсэ,
Сам на кони да приустал сидеть».
Да спроговорит Илеюшка во третьей раз:
«Уж вы ой есь, дружья-братья-таварыщи!
Да кому же из нас дак передом ехать?»
Стар-от хороницьсе на средьнёго,
Средьн-ёт надеицьсе на меньшого,
Да от меньшого нонь было ответу нет!
Да спроговорыл Илеюшка во второй раз:
«Уж вы ой еси, дружья-братья-таварыщи!
А кому же тут из нас дак передом ехать?»
Стар-от надеицьсе на средьнёго,
Средьн-ёт надеицьсе на меньшого,
Да от меньшого тут было ответу нет!
Да спроговорит Илеюшка во третьей раз:
«Уж вы ой еси, дружья-братья-таварыщи!
Да кому же из нас дак передом ехать?»
Стар-от надеицьсе на средьнёго,
А средьн-ёт надеицьсе на меньшаго,
Да от меньшо[го] тут было ответу нет!
Да спроговорит старой Илейка Муромец:
«Ище, видно, старику дак надо передом ехать.
Уж вы ой еси, дружья-братья-таварищи!
Да приедём тут ко той силы тотарьское.
Зазвонит ле моя да сабля вострая,
Да забрякают колецюшка жемцюжныя —
Уж вы бейте-тко силы, да скольки можите!
Если етого у меня да не слуцицсе ведь —
Поежджайте вы тогда, да куда знаите...»
Поехали робята во чисто полё,
Приежджают ко той силы тотарьское.
Да с[к]рычал бы Илейка громким голосом:
«Уж ты ой еси, собака да злодей Калин-чар!
Уж ты дай мне тепере поединьщыка,
Поединьщика тепере — супротивника!
Цья будёт на поли Божья помощь?»
Вся сила у собаки тут с коней попадала.
Да проскакивал Илеюш[к]а-то Мурамец
Всю он ту силу тотарьскую —

Доежджал до собаки да он до Калина-царя:
Да сидит тут собака на добром кони.
А махнул он Илейку да саблей вострой же,
Да хотел он срубить ёго буйну голову —
Стар-от казак да он ухватцив был,
Увёрнулса коню дак он ле под брюхо.
Да рошширил-де собака тут собачьи глаза:
Куда покатилась тут у Илейки голова?
А вывёрнулса Илеюшка у коня дак он из-под брюха,
Да махнул он своей да саблей вострой же
По той собаки да по черной шеи —
А срубил у собаки да буйну голову,
А слетела у собаки, да всё ровно как была пугвица!
Зазвонила бы Илейки да сабля острая,
Да забрякали колецюшка жемчужныя —
Тут-то начали удалы да все поежджывать,
Стали бы они силу рубить же ведь,
Да прыбили ету силу да ровно в три чеса!
Тогда тут опеть поехали к белу шатру.
Да Поповици были да Долгополыя:
У их волосы-ти долги — да умы коротки!
Посли дела тут они были росхвастались:
«Кабы было зако[ло]чоно в матушку сыру землю,
Заколочоно ле в ей было жалезно кольцо —
Всю бы исцеле́нну да вверх дном повернули бы!
Кабы на небо была даг ноне лисвица —
Да прибили бы всю силу небесную!»
Небесна сила их тут подхи́тила,
Окаянна ле их да пожора́ла ведь:
Не приехали они были к белу шатру.
Все тут робятушка собиралисе
К тому же к Илейкину к белу шатру —
Да негде тут Поповичов не случилосе.
Они пили-гуляли трои суточки,
Все же они тут призаспали —
Да старому казаку да ведь не спицьсе же.
Выходил-де старой дак тут на улицу,
Брал-де он трубочку подзорную,
Да смотрел бы старой на чисто полё

А на ту же силу да на тотарьскую.
Показалось старому да цюдо цюдноё:
Стоит тут-то на поли силы да много-намного.
Да которого рубили дак они надвоё —
А сидит и ровно их да было два на кони!
А которого рубили дак они натроё —
Ка́жот им, да ровно три сидит!..
Заходил бы Илеюш[к]а во бел шатёр,
Да скрычал бы Илейка громким голосом:
«Уж вы ой еси, дружья-братья-таварыщи!
Вам полно тут спать — ноне пора ставать!»
От крепкого-де сну да пробужалисе —
Говорил-де Илеюшка таково слово:
«Уж вы ой еси, дружья-братья-таварыщи!
Кто-то бы из вас да тут небылью да ноне хвастал же.
Выходил я теперице на улицу,
Я смотрел бы во трубочку подзорную
Да во далечо-далечо да во чисто полё
Да на ту где силу дак на тотарьскую:
А рубили вы которого-то надвоё —
Тут сидит ровно их да тут два на кони!
Да которого рубили да вы ведь натроё —
Тех их да ровно три сидит!..
Надо нам тепере опять снарежатися,
Ище ехати нам будёт во чисто полё
Да с тотарьской-де силой да всё поратиць[с]е!»
Они стали, робята, снарежатисе,
Поскорэшенько они да сподоблятисе.
Выходили они дак из бела шатра,
А садились они дак на добрых коней,
А поехали молоччики во чисто полё.
Да приежджают тут ко той силы тотарьское —
Они били эту силу да всё рубили ведь.
Они скольки тут ею дак они бью́т ею —
У́были ею да тут ведь нету же!
Пресвята-де Богородица Илеюшки глас гласит:
«Уж ты ой еси, Илеюшка тут Мурамец!
Нам живым, верно, с мёртвыми не наратицьсе!»
Да скрычал бы Илейка громким голосом:

«Уж вы ой еси, дружья-братья-таварыщи!
Нам живым, видно, с мёртвыма не наратицьсе!
Тут поедём, робятушка, обратно назад!»
Все тут робятушка обратилисе
Ко тому-де к Илейкину к белу шатру.
Да скопилисе они, да все ли съехались —
Да Поповичи ище нигде не очудились.

(Зап. А. Д. Григорьевым 5 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры <Юромской вол.> — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Малый (из д. Малые Нисогоры), 68 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.